

Институциональное измерение этносоциальных и этноконфликтных процессов в Нагорном Карабахе¹

Вплоть до середины 1980х социально-политический конфликт в Нагорном Карабахе оставался латентным, однако впоследствии этносы, находящиеся в советское время в состоянии депривации, стали ставить под сомнение существующую на Кавказе этнотерриториальную систему.

Внутригосударственные территориальные пределы как структурирование границ этногрупп использовались в советское время потому, что властям было не обязательно прислушиваться ни к мнению населения границ перекраиваемых республик, краев и областей, ни к мнению местной партийной элиты, которая практически всегда поддерживала национально-территориальные изменения в контексте общей партийной линии как из-за страха перед возможными репрессиями и из-за высокой степени идеологической преданности среди функционеров. Местная партийная элита не протестовала против волюнтаристских действий центральных властей в области национальной политики.

Территориальные пределы между облегчались существенным падением авторитета этнолидеров и старейшин, а также других групп, которым принадлежала социальная власть в дореволюционную эпоху. В 1920е годы накопленный столетиями институциональный опыт адатов и шариата был поставлен под сомнение как не соответствующий новой социально-политической, культурной, символической и экономической реальности. Существующий баланс межэтнических отношений был деформирован под воздействием коммунистической идеологии. Внезапно тра-

¹ При финансовой поддержки Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках программы Государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук в области общественных и гуманитарных наук 2010 – 2011 гг. (МК – 4092.2010.6).

диционные группы оказались в ситуации, когда их авторитет в новом социалистическом обществе зависел не столько от наличия многовековой истории рода или клана, сколько от наличия среди его представителей членов партии большевиков.

Как партийные лидеры, так и сами этногруппы сравнивали друг друга по ряду значимых идеологических и политических параметров, которые могут обеспечить своим членам позитивные самооценки (количество членов ВКП(б), других государственно-общественных организаций, наличие или отсутствие общественных инициатив по поддержке тех или иных действий властей и пр.). Признание своего членства в определенных этногруппах стало довольно опасным на Кавказе, после того, как партийная элита начала выделять таких лиц как потенциально нелояльных. Этническая и/или конфессиональная принадлежности стали двусмысленными маркерами идентичности и лояльности к советскому строю. Произошла иерархизация как этносов, так и образующих их этносубгрупп на «классово близких» (к которым относились, к примеру, тейпы и вирды, находящиеся в политической оппозиции к дореволюционным властям, а также «деревенская беднота») и «классовых врагов» (тейпы, обладающие большим количеством сельскохозяйственных земель, крупным рогатым скотом, такими небольшими сельскохозяйственными предприятиями как мельницы или маслобойни и т.п.). По отношению как к первым, так и вторым господствовали правила «круговой поруки», когда в локальных этносообществах каждый потенциально отвечал за другого, а недоносительство на родственников, знакомых, соседей и друзей воспринималось как тяжкий партийный грех и предательство интересов государства.

Дискредитируя традиции и традиционные ценности на Кавказе (как религиозные, так и адаты), и особенно их носителей (как классово враждебных социалистическому строю элементов) государственные власти стремились переделать традиционное общество с четким разделением социальных и ролевых функций в пластичную и податливую массу «без своих корней», которой

можно было бы легко политически и идеологически управлять, и которую можно было бы использовать как мобилизованный и модернизационный ресурс на масштабных государственных стройках или в военных целях.

Стремясь для реализации мобилизационных планов изъять больше ресурсов из традиционной среды, ввести сельскохозяйственные земли в оборот земель производственного использования и повысить ресурсный потенциал и уровень технического развития региона, советские власти не без оснований полагали, что высокая степень потенциальной восприимчивости индивидов к традиционным этническим и конфессиональным институтам и ценностям означает в то же время слабую лояльность по отношению к социалистической действительности, и низкую степень готовности участвовать в коммунистических стройках на благо всего государства.

Государственная поддержка институтов этничности (например, кодификация языков малых народов сначала в латинице, а затем и в кириллице) было направлено, скорее, на общее повышение грамотности населения и качества человеческого капитала, чем на развитие этничности как таковой. Кроме того, этничность с начала 1920х гг. изначально в сознании постепенно формирующегося в социально-психологическом отношении «советского человека» стала ассоциироваться с чем-то «отсталым», «отжившим», «традиционным» или «буржуазным». Напротив, советская идеология представлялась индивидам, которые еще в начале XX века были в аксиологическом отношении зажаты в оковах традиционализма, как значительный шаг вперед в общественном развитии человечества, как идеология будущего «нового мира». Вплоть до конца 1980х гг. в Советском Союзе наблюдался устойчивый численный рост людей, в этноидентификационной системе которых ментально господствовал «советский человек». Люди с такой идентификацией в многонациональной среде, как правило, не задумывались, у кого какая этничность. Они не делили окружающих на «своих» и «чужих».

Примитивизация этничности как «отсталой» формы развития нации в значительной степени стала институциональной причиной увеличения отставания советской этнологии (по сравнению с дореволюционным периодом) от ее западных аналогов. В условиях жесткого партийного диктата и идеологического контроля внутри институтов высшего образования и академической науки советским этнологам было гораздо проще изучать этничность за пределами Советского Союза, в Канаде, Африке или Азии, чем социологически «вскрывать» наболевшие точки в этнонациональных отношениях на Кавказе, поскольку такой анализ был бы связан с выявлением структурных недостатков идеологии «дружбы народов», общей критикой как национальной политики, так и политической системы. Советские ученые, как и власти, оказались концептуально и методологически не готовы к «всплеску» национализма во второй половине 1980х гг.

Несмотря на мобилизационный тип советской экономики, высокую степень концентрированности всех видов ресурсов на преимущественно военные цели, и практически полное отсутствие внутренней государственной оппозиции, которая могла бы поставить под сомнение установленный порядок расходования бюджетных средств (не говоря уже о том, чтобы открыто протестовать против него или предлагать альтернативу, собирая толпы сторонников среди населения и политическую поддержку во властных кругах, поскольку такая деятельность в классификации советского уголовного права подошла бы под «антисоветскую пропаганду»), а также фактическое отсутствие гражданского общества (если не считать сервильные и патерналистские общественные организации и профсоюзы, полностью контролируемые как партийными органами, так и спецслужбами), перед которым было бы необходимо отстаивать обоснованность тех или иных бюджетных трат, ресурсы, которые советская элита могла выделить на развитие наций и этносов, были ограниченными.

Учитывая закреплённую в Конституции СССР 1978 года фактическую неизменяемость системы национальных и автоном-

ных республик в составе СССР (хотя формально в Конституции предусматривалось право выхода советской республики из СССР, соответствующие нормативно-правовые акты отсутствовали) и невозможность формального повышения политико-правового статуса регионов, партийные элиты республик, а также национальная интеллигенция должны были убедить центральные органы власти увеличить выделяемую для их этносов долю ресурсов.

В системе политических сдержек и противовесов внутри государственной системы, которая включала в себя институты согласования интересов и конфликтов партийной и советской элит, а также отдельных корпоративных групп влияния (ВПК, силовых структур, крупнейших профсоюзов и т.п.), этногруппы и их элиты включались в «мягкую» форму межэтнической конкуренции. В качестве инструмента политического давления и потенциального перераспределения ресурсов в пользу своей этногруппы национальной интеллигенцией использовались постоянные жалобы и доносы (которые «камуфлировались» вначале в местной и региональной прессе, а к концу 1980х – и в центральных партийных изданиях как народные «письма трудящихся») властям по поводу недостаточного количества средств, выделяемых на развитие науки, образования или культуры (театров, музеев, филармоний, домов культуры, библиотек). Жалобы и доносы как социальные институты в советское время были важным средством вертикальной коммуникации гражданина, группы и государства: получая жалобы с регионов, власти могли контролировать ситуацию на местах и четко знать, общественное отношение к тем или иным чиновникам или партийным функционерам. Количество жалоб на притеснения по этническому признаку или на недостаточное развитие национальной культуры особенно сильно увеличивалось к общегосударственным праздникам, партийным съездам и конференциям, когда власти становились особенно чуткими к вопросам укрепления социального взаимопонимания, исполнения чиновниками своих обязанностей и осуществления контроля.

Хотя в Советском Союзе фактически отсутствовала объективная социологическая информация об уровне обеспеченности ресурсами тех или иных этногрупп (по причине слабой развитости социологии и практической сложности проведения конкретных исследований), а отдельные статистические данные по социально-демографической структуре населения фальсифицировались в т.ч. в целях дезинформации геополитических противников, интеллигенция всегда обращала внимание на:

- несправедливое распределение общего ресурса печатных типографских листов, имеющих в региональных издательствах и предназначенных на выпуск монографий, сборников статей, детских книг и пр. на этноязыках,

- разницу в количестве подготовленных и защищенных кандидатов и докторов наук среди представителей той или иной этногруппы,

- наличие или отсутствие специализированных гуманитарных институтов, разрабатывающих проблематику этногенеза, этнокультуры и этносоциального развития,

- наличие или отсутствие университетов, педагогических, сельскохозяйственных, технических и других вузов, в которых могли бы обучаться преимущественно представители молодежи той или иной этногруппы,

- наличие или отсутствие театров и домов культуры, региональных телепрограмм и радиопрограмм, в которых разрабатывались и обсуждались те или иные проблемы развития и сохранения этнотрадиций,

- объем выделяемых финансовых ресурсов на поддержку соответствующих народных промыслов и ремесел.

В качестве институционального критерия справедливости распределения ресурсов использовались не только демографические пропорции (численное соотношение проживающих в одном регионе этносов между собой), но и исторические аргументы, ссылки на те или иные войны прошлого, на количество героев

Советского Союза и Социалистического труда среди представителей того или иного этноса и пр.

К середине 1980х затраты на сохранение социальной инфраструктуры у этногрупп стали настолько большими, что превзошли экономический уровень развития советского общества. Государство уже не могло позволять себе содержать такое большое количество представителей национальной гуманитарной и технической интеллигенции. «Парад суверенитетов» привел к сокращению числа школ и университетов, увольнению врачей и приватизации сферы этнокультуры на всем постсоветском пространстве.

В транзитивную эпоху второй половины 1980х – начале 1990х гг. резкого роста государственного бюджетного дефицита, вызванного существенным падением стоимости барреля нефти на мировых биржах, и углубления социально-экономических диспропорций между уровнями развития республик, взаимные жалобы и обвинения между соседями по республикам перешли из сферы теневой политической борьбы (которая выражалась, например, в громких делах по разоблачению коррупционеров в среднеазиатских республиках) и административного обсуждения в центральных партийных органах Советского Союза в область общественного дискурса, практически полностью открытого как советским гражданам, так и западной прессе.

В советском обществе отсутствовал социально-психологический «иммунитет» к спокойному обсуждению национальных проблем и спорных исторических процессов этногенеза. Ни элита, ни интеллигенция, ни широкие массы не были вакцинированы к возможному всплеску национальных проблем, к обсуждению проблемы титульности (хотя Нагорный Карабах – один из немногих регионов в Советском Союзе, где отсутствовала четкая титульность, поскольку в названии не было указаний ни на одну этногруппу). В общественном сознании отсутствовали институты толерантности, космополитизма и мультикультурализма. Доминирующий в советской идеологии классовый под-

ход был настроен на непримиримость к диссидентам. Индивиды с другой точкой зрения воспринимались как «неполноценные», которых нужно переубедить, подкупить, подвергнуть репрессиям, отправить в тюрьму или на принудительное психиатрическое лечение. В условиях тотального политического конформизма и практически официально принятого двоемыслия, когда «на кухне» для обсуждения в узком кругу единомышленников и друзей разрешалось иметь диссидентские взгляды, но на публике нужно было демонстрировать веру в официальную идеологию, общество оказалось не готово к появлению людей, действительно убежденных в национальных и религиозных ценностях, которых невозможно было испугать репрессиями, и которые готовы были идти на определенные материальные лишения ради защиты своей точки зрения.

К середине 1980х как идеология, так и партийные и советские карательные органы институционально ослабли. Многие представители силовых структур оказались вовлечены в неформальную экономику и коррупционные связи с представителями националистических кругов. Некоторые партийные чиновники, понимая бесперспективность социалистической системы начали склоняться к этнонационализму и поддержке своих этногрупп, готовя себе «запасные аэродромы».

Разрушение социалистической идеологии привело к росту возможностей у этносоциальных агентов конструировать альтернативные институты по собственному желанию, что на социальном уровне проявилось в виде роста институциональных исключений, на основе которых структурировались новые идентичности. Однако искусственное финансовое «вскармливание» титульных этносов не создало условий для развития самостоятельности и конкурентоспособности. За годы советской власти местные партийные элиты привыкли к внешней идеологической, административной и финансовой стимуляции.

Партийная номенклатура до самого распада Советского Союза не смогла понять, как бороться с национализмом. Ее реакция

была не отрефлексированной. Она всегда запаздывала, применение вооруженной силы было либо чрезмерным и вызывало возмущение со стороны национальной интеллигенции, либо неэффективным.

Миротворчество советских властей сопровождалось политическими провалами в многом потому, что правящим элитам не удалось найти оптимальный баланс между миротворчеством и принуждением. Силловые операции в зонах межэтнических столкновений были непоследовательными. Они часто прерывались т.н. «перемириями», при этом отсутствовало четкое стратегическое видение, к какому именно порядку нужно стремиться властям при разрешении этнополитических конфликтов. Советские власти постоянно колебались, освещать ли происходящее в зонах межэтнических столкновений (например, в Сумгаите), чтобы не спровоцировать панику, или скрывать в максимально возможной степени (но тогда возникали и быстро распространялись среди населения самые дикие слухи, и межэтническая ситуация еще больше накалялась). Власти не знали, наказывать ли обе стороны в межэтнических столкновениях или только одну из них, как определять степень вины отдельного человека в межэтнических погромах и бунтах, нужно ли договариваться с неформальной националистической оппозицией (часть которой являлась членами или родственниками влиятельных функционеров партии и комсомола) или ее нужно преследовать в уголовном порядке и т.п.

Многолетняя привычка беспрекословно подчиняться приказам центральных властей демотивировала региональную партийную бюрократию до такой степени, что часто она не предпринимала никаких политических и административных действий до тех пор, пока конфликтогенная ситуация не выходила из-под контроля и пока не пребывали силовые подразделения из Москвы на подавление межэтнических беспорядков.

Советское уголовное законодательство было институционально заточено под преследования несогласных в среде творческой и технической интеллигенции по статьям о антисоветской

пропаганде, но фактически отсутствовали отдельные уголовные составы по преступлениям в сфере распространения ксенофобии, религиозной нетерпимости, экстремизма, нацизма, расизма. Быстрое законодательное изменение советского уголовного законодательства было невозможно: забюрократизированная система не могла своевременно реагировать на возникающие вызовы со стороны национализма. Кроме того, с политической точки зрения признание угрозы национализма означало бы крах этноинтеграционного проекта создания нового советского человека, а также признание того факта, что в стране, победившей в Великой отечественной войне, не существует психологического иммунитета к распространению нацизма, а многолетние лозунги о «дружбе народов» не способны помешать росту этнорелигиозного экстремизма и ксенофобии среди выросшего на Кавказе населения.

Отсутствовала судебная практика и опыт расследования преступлений в сфере межнациональных отношений у органов прокуратуры. Погромы и этнические бунты правоохранительная и судебная система классифицировала в основном как «хулиганство», что не способствовало ни росту доверия к советским карательным органам со стороны потерпевших, ни росту страха и уважения со стороны потенциальных нарушителей законов и порядка.

Идеологически взращенная убежденность советского человека в правильности одной точки зрения послужила хорошей питательной средой для возникновения такой же убежденности националиста в приоритете именно своей нации. Институт толерантности до сих пор на Кавказе является маргинальным. Толерантность воспринимается общественным сознанием как некоторая терпимость к заранее осуждаемым негативным явлениям или антисоциальным процессам или как некоторая политическая и временная уступка общественному мнению, как политически обусловленная невозможность справиться с оппонентом силовым путем, заставить его отказаться от своих взглядов. В советском

политическом дискурсе не признавалась ценность ведения равноправного диалога с оппонентом.

В условиях нацеленности на доминирование и подавление дегуманизация этнополитики происходила быстро. Воспитанное в советских условиях неуважение к общечеловеческим правам и свободам стало социально-психологической основой неуважения к правам другого как отличающегося по этнической или конфессиональной принадлежности. В результате не соблюдались ни права индивида, ни коллективные права этногруппы, в которую этот индивид входит как полноправный член.

К середине 1980х гг. выяснилось, что советская бюрократическая машина не продуцировала доверие. Ни суды, ни правоохранительные органы, ни партийные структуры не обладали достаточным политическим нравственным и социальным авторитетом, чтобы остановить начинающиеся этнические бунты и конфликты в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане без применения насилия. В условиях господства правового нигилизма на первое место вышли локальные этноклановые структуры, которые позиционировали себя как защитники «простого советского человека» от зарождающегося криминала и от постепенно теряющей нити административного управления советской верхушки.

Когда получившие ослабление со стороны официальной цензуры центральные и региональные СМИ начали активно обсуждать национальные проблемы без самоограничений и самоцензуры, у советских граждан создалось впечатление, что идеологически развиваемая в течение предшествующих десятилетий «дружба народов» и появление «советского человека» были в значительной степени «неестественным» для общества партийным конструктом. Вместо с «водой выплеснули с ребенка» – отказ от советской идеологии сопровождался отказом от ценностей интернационализма.

Идеологическая дискредитация «советского человека» как не приспособленного к жизни в условиях становления рыночной экономики и демократии «совка» продуцировала интерес инди-

видов к другим формам социальной идентификации, включая те, которые по разным политическим причинам в советское время подавлялись или как минимум, игнорировались. Среди них особый интерес вызывали этнотрадиционализм и этноидентичность, этнические чувства и эмоции, исторические дореволюционные корни, генеалогические линии, традиции предков.

Представители как титульных, так и нетитульных этносов стали более внимательно относиться к соседям по национально-территориальным образованиям, в которых они оказались к середине 1980х. Высокий уровень латентизации взаимных националистических требований и этнопретензий в советское время (поскольку открытый национализм подавлялся как политически, так и милицейскими и военными методами) привел после объявления руководством политики открытости к «эффекту лавины». Этнонационализм привлек симпатии тех, кто был лишен социальных перспектив в рамках социалистических отношений. У жителей Кавказа как бы «внезапно» возникли друг к другу неприязнь и ксенофобия, страх, возмущение и взаимное недовольство из-за различий в интерпретациях национальных историй, тех или иных ключевых событий, отраженных в национальной исторической памяти, исторических, культурных и социальных травм, будто бы нанесенных другими этногруппами или государственными властями в XIX-XX вв., а также территориальных претензий к соседям по региону.

Взаимная политическая уступка не считалась приемлемым результатом решения межэтнического столкновения. В общественном сознании их заменили капиталистические ценности достижений, асертивности, культа силы и власти. Разочаровавшись в скомпрометированных политических, культурных и социальных ценностях советского строя и понимая, что на практике заимствование либеральных институтов приводит не к тому результату, которого ожидали, религиозные и политические лидеры предпочли стратегию этнического замыкания и продвижение

(фактически исторической реконструкции) традиционного уклада жизни.

Этнолидеры больше внимания уделяли необходимости отстаивания интересов своего этноса пусть даже в ущерб соблюдению прав представителей других этнических групп, чем необходимости поиска компромисса с региональными соседями. Тяжелые этносоциальные конфликты прошлого в общественном сознании оказались забытыми. Травмы этих конфликтов оказались «затертыми» последующей региональной историей. У выросших в условиях жесткого силового и партийного диктата этнических и региональных элит не было адекватных представлений ни о реальной финансовой, социальной и человеческой стоимости силовых способов решения межнациональных конфликтов, ни о возможном потенциале, который они как лидеры соответствующих этногрупп могут использовать в случае межэтнических столкновений, ни о символическом значении, который имеют для этносообществ те или иные территориальные объекты в общественном сознании. Одновременно этноэлиты серьезно переоценили собственные силы и готовность членов своих этногрупп защищать с оружием в руках те или иные ценности, пусть даже и значимые в общественном сознании. Вяжываясь в межэтнические конфликты, элиты обычно не ожидали сопротивления с другой стороны. Предполагалось, что демонстрации силы и решительности «своего» этноса будет вполне достаточно. Но на практике война «как бы понарошку» превращалась в обычную войну, с применением тяжелой бронетехники, артиллерии, авиации. Опыт Нагорного Карабаха показал, что далеко не во всех случаях жители Кавказа готовы вступать в насильственные вооруженные конфликты, и часто цена такого конфликта воспринимается в социуме как чрезмерно высокая и неприемлемая.